

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821

А. В. Ляхович

ПРОИЗВЕДЕНИЕ «ШЕЙХ УМАР» АБУБАКАРА ТАФАВА БАЛЕВА В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ХАУСА

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья посвящена одному из первых художественных произведений в литературе на языке хауса. «Шейх Умар» был написан в 30-е годы XX в., знаменуя своим появлением переход от литературы средневекового типа к современной художественной литературе. Основное внимание уделено анализу данного произведения с точки зрения сохранения преемственности по отношению к традиционной словесности религиозного характера, кроме того, рассматриваются новаторские приемы Абубакара Тафава Балева, заимствованные из арабского фольклора. Библиогр. 8 назв.

Ключевые слова: хауса, религиозная литература, художественная литература, Абубакар Тафава Балева.

“SHEIKH UMAR” BY ABUBAKAR TAFAWA BALEWA WITHIN THE CONTEXT OF HAUSA RELIGIOUS LITERATURE

A. V. Lyakhovich

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article reads “Sheikh Umar” by Abubakar Tafawa Balewa as one of important monuments which marks the transition from medieval literature to the modern fiction. The main focus is given to specific features of “Sheikh Umar” such as religious didactics, concepts (mutumin kirki, ‘good man’) etc. which are deeply rooted in Hausa religious literature. One of the primary ideas states that destiny determines the life of human being. So the heroes of “Sheikh Umar” do not have any freedom to choose. The structure of “Sheikh Umar” also bears similarities to homiletic literature. Innovative idea of Abubakar Tafawa Balewa allows possibility of integration between fiction and religious work. Fictional framing of “Sheikh Umar” is based presumably on the stories of the Arabian “One thousand and one nights”. Refs 8.

Keywords: Hausa, religious literature, modern fiction, Abubakar Tafawa Balewa.

Исламская литература появилась в странах хауса благодаря распространению ислама, а вместе с ним арабского языка и письменности. Религиозная литература была важнейшим средством обращения хауса в ислам [1]. Позже она получила широкое распространение и пользовалась большим авторитетом. Сильное воздействие она оказывала на многие стороны жизни хауса, в частности на традиционные формы словесного искусства.

В XIX в. в городах хауса появляется оригинальная письменная традиция и литература на языке хауса, до того времени только зарождавшаяся. С началом джихада

(начало XIX в.), или даже ранее, стал проявляться разрыв между письменной литературой, которая основывалась на канонах религиозной литературы, и фольклором, который, по преимуществу, имел внерелигиозный характер: «Сторонники джихада и их последователи стремились установить доминирующую культуру, которая была, главным образом, исламской, серьезной, городской и мужской. Кричащая пышность, безнравственность и 'пустая болтовня' предположительно относились к жизни в сельской местности и к словам 'женщины', 'дети' и 'язычники'. Культ бори был для проституток и аморальных мужчин, традиционные сказки были для старых женщин и детей, песни несерьезного содержания были для земледельцев, охотников и тому подобных, только хвалебные песни оставались частью массовой культуры, но только те, которые заимствовали исламские идеалы и формы» [1, p. 204].

Классификация исламской литературы хауса, предложенная М. Хискеттом и дополненная Г. Ферниссом, выглядит следующим образом: *wāzī* — наставления, проповеди; *madahu* — панегирики пророку (а также шейхам тарикатов и правителям); *tafsir* или *tafsiri* — экзегетика Корана; *farilla* — религиозные заповеди; *fik'ihu* — правовые трактаты; *tauhidi* — теологические трактаты; *nijumi* — сочинения по астрономии; *hisabi* — сочинения по нумерологии; *hadis* или *hadisi*; *sira* — описание жизни первоначально пророка Мухаммада, затем и Усмана дан Фодио, рассказы о шейхе Усмани и других выдающихся исторических деятелях. Кроме того, к разряду серьезной литературы относятся исторические произведения и сочинения на политические темы.

Основные составляющие исламской литературы заключаются в следующем. Одна из важнейших черт, о которой пишет английский исследователь, — «серьезность». Это широкое понятие, подразумевающее установку этой литературы на правду, а не на вымысел, т.е. религиозная литература создает иллюзию полного правдоподобия воссоздаваемых событий. Основные ее функции — обучающая, разъясняющая и полемическая [1]. Доминирующую форму изложения можно назвать назидательно-разъяснительной: «Если кто-нибудь оскорбляет или ругает тебя, не волнуйся об этом, оставь Всемогущему. Ибо ты тоже друг Всемогущего. Он смотрит на тебя, тот, кто имеет власть над всем. Если ты слушаешь мои увещания, раскайся, пожалуйста, перестань попрошайничать. Если ты хочешь спросить, спроси Господа Всемогущего, который раздает все. Ибо он даст тебе, не рассердившись. Ибо он велик, никто не отрицает» [2, с. 182]¹. В данном случае можно вспомнить средневековую арабскую литературу и литературу европейских стран. В основе рассматриваемой литературной традиции лежат канонические тексты по философии и нравственным доктринам религии (Библия, Коран и т.д.). На базе канонической литературы создается словесность, которая представляет собой беллетристическую иллюстрацию религиозно-канонических формул, содержащихся в церковной литературе.

Большая часть религиозной литературы хауса вплоть до настоящего времени имеет стихотворную форму и исполняется вслух. Очевидно, частично из-за формы исполнения (устной, всегда предусматривающей исполнителя и аудиторию), частично из-за формы произведений (назидательно-разъяснительной) подобная литература имеет ярко выраженное диалогическое начало. Последняя характеристика, впрочем, справедлива по отношению ко многим жанрам словесной культуры хауса, по-видимому, вследствие актуальности устного характера исполнения. К примеру,

¹ Поэма «Возблагодарим Аллаха!». Перевод выполнен Ю. В. Пригорицкой.

большая часть цитированной уже нами поэмы «Возблагодарим Аллаха!» начинается с различных обращений к аудитории: «Знайте», «бойтесь», «раскайся», «оставь», «не бери», «воздержись» и т. д. «История хауса»² также обнаруживает диалогичность по форме: «Знай, люди хауса говорят, был один человек, внук царей Борну, по имени Далалами» [2, с. 205]; «Если тебя спросят, откуда произошел народ хауса, ответь, что его настоящие предки — канури и северные народы»³ [2, с. 220].

С началом XX в., благодаря деятельности британской администрации, в обществе меняется отношение к той области словесности, которая раньше признавалась «несерьезной», «пустой болтовней». На сегодняшний день произведения фольклорных жанров уже не считаются недостойными мусульманина. Тем не менее всякое апеллирование к канонам религиозной поэзии воспринимается как признак учености и весьма почитается на современном этапе (с начала XX в. создается нерелигиозная литература, которая, однако, активно наследует принципы исламской поэзии: ее формы, содержание и функции).

Произведение «Шейх Умар» было создано в 30-х годах XX в. Абубакаром Тафава Балева, одним из первых представителей современной литературы на языке хауса.

Рассматриваемое сочинение представляет собой жизнеописание. В «Шейхе Умаре» есть вводная часть, где автор представляет главного героя и где присутствует аудитория, которая просит героя рассказать его историю. В основной части последовательно излагаются события, связанные с рождением, взрослением, приключениями героя и возвращением на родину. Во вводной части изложение ведется от третьего лица, основное содержание написано от первого лица.

Композиция произведения обращает на себя внимание в первую очередь наличием традиционных для хаусанской религиозной литературы зачина и концовки.

Зачин: «Бог — это царь, величайший из всех царей, Он — самое священное из всего сущего, Он — царь, нет никого, подобного ему» [5, р. 18].

Концовка: «Хвала Богу. О, Господи, Ты Единственный, кого мы благодарим. Я молю Бога простить нас за то, что мы сделали, и за то, что мы сделаем в будущем. Господь, отведи от нас беду и зависть врагов, и избавь нас от зла этого мира и мира иного, аминь» [5, р. 79].

В данном случае очевидно заимствование автором жанровых принципов, характерных для гомилетической литературы хауса. Г. Фернисс указывает на тот факт, что гомилетические поэмы традиционно начинаются с религиозного славословия, предворяющего основную тему. Кроме того, типично также завершающее славословие. Ю. В. Пригорицкая дала следующее описание структуры подобного рода сочинений: «Зачин гомилетических поэм характеризуется обращениями к Аллаху и пророку Мухаммаду, и это обращение носит молитвенный, смиренный характер... Переход от воззвания, обращения к повествованию совершается плавно, в зачине (весьма стандартизированном) обнаруживаются логические предпосылки для того, чтобы в дальнейшем разговор пошел об одной из конкретных тем» [2, с. 54, 57]. Ю. В. Пригорицкая выделяет также третью обязательную составляющую — «диалогичный характер внедрения текста в воспринимающую его аудиторию».

² «История хауса» («Labarin mutanen Hausa») — историческая хроника на языке хауса, известна в двух опубликованных вариантах, восходящих к одному источнику [3; 4, р. 2–35].

³ Перевод выполнен Ю. В. Пригорицкой.

Рассмотрев все основные принципы структурирования религиозных сочинений, возможно сравнить их с композиционными особенностями произведения «Шейх Умар». Во-первых, в этом сочинении также присутствуют религиозные славословия в начале и в конце текста. Особое внимание стоит обратить на вводную часть «Шейха Умара». Здесь, как уже упоминалось выше, автор дает герою характеристику. Шейх Умар является образцом праведности, люди считают его святым. Однажды один из его учеников задает вопрос о том, откуда он родом, и просит рассказать о его родине. По просьбе ученика герой соглашается поведать о своей жизни.

Итак, в вводной части обнаруживается переход к теме всего произведения — теме жизненного пути благочестивого человека. Однако, как уже отмечалось ранее, благочестие и биография героя являются лишь частично темой произведения. Не менее важны здесь религиозные идеи, которые рассматривает автор. Религиозные отступления, составляющие зачин и концовку «Шейха Умара», имеют очевидную связь. Слова в зачине становятся эпиграфом произведения: содержание основной части подтверждает и иллюстрирует идеи превосходства Бога над всем сущим. Концовка формулирует идею судьбы в произведении: Бог — единственный, кому подвластно изменять что-либо в жизни человека; что бы ни происходило с людьми, лишь Бог может избавить от бед, зла, зависти врагов; человеку остается лишь молиться о милости, благодарить за милость и просить прощения за свои поступки.

В зачине «Шейха Умара» присутствует принцип, выделенный Ю. В. Пригорицкой, — «диалогичный характер внедрения текста в воспринимающую его аудиторию»: автор приводит разговор между героем и учеником, и в дальнейшем герой выступает в роли рассказчика. В словесной культуре хауса часто рассказчик ассоциируется с понятием «отвечающий», а аудитория — с понятием «спрашивающий». Примером может послужить следующий зачин одного из исторических преданий хауса: «Если спрашивающий спросит тебя и скажет тебе, почему восстали кабава, скажи ему, что...»⁴ (Рассказ о саркин мусулми и саркин Каби [6, с. 90]).

В основной части «Шейха Умара» можно обнаружить сочетание трех способов организации текста: повествование, рассуждение и описание. Большая часть текста — это событийное изложение ряда происшествий в жизни героя. Нужно отметить, что существенный объем занимает рассказ о его близких — матери и отчине. Исторический фон, очевидно, призван подчеркнуть правдивость рассказа героя, внушить веру в его слова и идеалы.

В ходе анализа композиционных особенностей «Шейха Умара» обнаруживается сходство произведения с сочинениями арабской словесности. Тем не менее мы не можем с большой степенью уверенности утверждать факт заимствования автором конкретных сюжетов арабских сказок.

В данном произведении можно выделить двух главных героев — Умара и его мать. В детстве мальчика похищают, он становится рабом, его покупает богатый купец из Египта, который растит героя как сына. На протяжении многих лет Умар разлучен с родными и живет на чужбине. Другая сюжетная линия разворачивается параллельно вокруг матери героя, которая не оставляет попыток найти сына.

Необходимо отметить, что изложенные сюжетные особенности построены во многом на материале арабского фольклора. В первую очередь, привлекают внимание

⁴ Перевод выполнен Н. А. Добронравиним.

такие характерные для арабских сказок мотивы и элементы: разлука героя с родными, его жизнь вдали от родины, воспитание в приемной семье, возвращение героя на родину и к семье в конце странствий. В произведении можно обнаружить также элементы, присущие конкретным арабским сказкам. Это, прежде всего, «Сказка о Хасане басрийском» [6] и «Повесть о царе Омани ибн ан-Нумане и его сыне Шарр-Кане, и другом сыне Дау-ал-Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах» [7]. В «Сказке о Хасане басрийском», как и в «Шейхе Умаре», героя *похищают и увозят в дальние страны*. В сказке также особо подчеркивается мотив разлуки с матерью: «И она плакала и рыдала до утра, и вошли к ней соседи и спросили ее про сына, и она рассказала им о том, что случилось у него с персиянином, и решила, что она никогда не увидит его после этого. И она стала ходить по дому и плакать... И соседи оставили ее, *пожелав ей быть стойкой* и вскоре соединиться с сыном, и ушли, а мать Хасана не переставая плакала в часы ночи и часы дня». Похожее описание есть и в «Шейхе Умаре»: «Она *разразилась плачем*, и они все [соседи] стояли вокруг нее, призывая / прося ее быть *терпеливой*, ибо на то была Божья воля» [5, р. 43]. В ходе своих странствий герой арабской сказки находит любимую женщину и живет с ней счастливо, не вспоминая о матери. Герой «Шейха Умара» долгие годы проводит в семье приемного отца, ведя счастливую жизнь, забыв о своих родных и родине. Далее автор рассматриваемого произведения использует мотив вещего сна, распространенный в арабском фольклоре. Как и в «Сказке о Хасане басрийском», именно благодаря сну, в котором герой видит страдающую мать, Умар вспоминает ее и решает отправиться на родину, чтобы встретиться с ней.

В произведении «Шейх Умар» присутствуют мотивы «Сказки о Хасане басрийском», поэтому мы склонны считать ее одним из основных источников для сюжета «Шейха Умара».

Более сложной для установления источника является часть сюжета произведения, которая описывает события, выпавшие на долю матери героя в ходе ее поисков сына. Не характерен для арабского фольклора сам мотив: мать, разлученная с сыном, отправляется на его поиски. Традиционно героини (мать, сестра, возлюбленная) арабской сказки являются пассивными персонажами, которые страдают в разлуке, заболевают от горя, но сами не пытаются ничего изменить. Специфика «Шейха Умара» состоит именно в том, что мать героя становится активно действующим персонажем. И эта особенность, на наш взгляд, свидетельствует о влиянии на творчество автора произведения европейских сказок. Так, например, у Андерсена есть сказка под названием «История одной матери», героиня которой — мать, разыскивающая своего ребенка. В структуре сказки важнейшую роль играет мотив поиска — большая часть текста описывает испытания, которые мать выдерживает в ходе странствий. В «Шейхе Умаре», как и в сказке Андерсена, делается акцент на идее преданности матери сыну. Женщина решается на смелый поступок — бросить все (дом, семью) и отправиться в Египет, даже не зная точно, где ее сын, и не думая об опасностях, которые таит в себе путешествие в одиночку. Мотив поиска также связан с испытаниями, которые предстоит пройти героине, и проникнут идеей страдания.

Большая часть рассказа о матери героя и ее поисках сына восходит к арабской «Повести о царе Омани ибн ан-Нумане и его сыне Шарр-Кане, и другом сыне Дау-ал-Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах». Один из фрагментов повести посвящен приключениям Дау-ал-Макана и его сестры Нузхат-аз-Заман. Герои убегают из дома, задумав совершить паломничество, однако затем брат заболевает, у его

сестры кончаются деньги. Однажды девушка выходит из дома и пропадает. Дальнейшая часть сюжета арабского текста во многом совпадает с сюжетом «Шейха Умара».

Героиня произведения «Шейх Умар», как и героиня арабской повести, оказывается без денег. Она хочет пересечь пустыню вместе с одним из караванов, который направляется в город, где предположительно живет ее сын. Один из караванщиков решает обмануть женщину. Он говорит, что ей нужен именно их караван, и она может довериться ему и жить с его женами. Таким образом он выдает ее, в конце концов, за свою рабыню. В дальнейшем героиню продают другому человеку, который очень плохо обращается с ней. И причина такого отношения заключается в том, что он не верит в ее историю с сыном. Слезы и жалобы женщины приводят к тому, что он все хуже с ней обращается. В арабском тексте героиня также встречает человека, который хочет хитростью сделать ее рабыней. Он обещает ей помощь и работу, и девушка верит ему. Из-за своей доверчивости героиня попадает в рабство к жестокому человеку, который, в конце концов, продает ее. Очевидное сходство, на наш взгляд, также присутствует в описании страданий героини:

Повесть о царе Омане ибн ан-Нумане... [7]

И он подошел с бичом и стал бить ее, восклицая: «Если ты не замолчишь, я убью тебя!» И Нузхат-аз-Заман на время умолкла, а затем она вспомнила брата... и тайком заплакала.

А на другой день она обратилась к бедуину... И когда бедуин услышал ее слова, его сердце ожесточилось, и, взяв бич, опустил его на ее спину и бил ее, пока она не обеспамятела... И старик отбросил бич и принялся ее ругать, говоря: «...Если я увижу или услышу, что ты плачешь, я отрежу тебе язык...»

А у Нузхат-аз-Заман изменился цвет лица от печали и утомления с дороги, и она заплакала из-за этого.

Шейх Умар [5, р. 69–70]

...Он надел на нее цепи. Ей пришлось выполнять самую тяжелую работу... Что же до нее, из-за несчастья, которое ее постигло, она совсем обессилела и потеряла свою красоту. Когда она заканчивала работу, она могла только сидеть и плакать...

Снова и снова он бил ее, но, несмотря на это, она не изменила своего поведения.

Некоторые элементы описания страданий героини произведения «Шейх Умар» имеют сходство с описанием мучений жены героя из уже упоминавшейся «Сказки о Хасане басрийском». В данной сказке жена Хасана также разлучена с ним. Ее сестра держит героиню в заключении, подвергая ее избиениям: «А потом она поднялась и стала бить Манар-ас-Сана, и ее покрыло беспомыслие. И ей брызгали в лицо водой, пока она не очнулась, и изменились прелести ее от жестоких побоев и крепких уз и от постигшего ее великого унижения».

Одной из важнейших составляющих произведения являются описания. Описания как нельзя лучше подходят для выражения идей гомилетической литературы. Часто приводятся описания чувств героя. Одно из самых ярких описаний чувств персонажей появляется в эпизоде, когда приемной матери героя сообщают о том, что мальчик похищен, и его поиски оказались бесполезны: «Она разразилась плачем, и они все стояли вокруг нее, призывая / прося ее быть терпеливой, ибо на то была Божья воля. Она вытерла слезы и вошла в хижину. Но когда она увидела деревянную миску с туво⁵, которое она поставила для меня, и место, где я обычно спал, весь

⁵ Туво — традиционное блюдо, которое готовится из муки.

мир стал черным для нее от горя, и она упала на постель, и начала плакать...» [5, р. 43]. Описания чувств в тексте произведения преобладают, вместе с тем встречаются описания характера благочестивых людей: шейха Умара (в начале произведения) и его приемного отца. Полностью отсутствуют описания внешности, если только они не связаны с характеристикой чувств персонажей. Так, например, одним из проявлений страданий матери героя является тот факт, что она потеряла свою красоту.

В последующей части произведения, когда герой уезжает в Египет, в тексте появляются некоторые элементы этнографического описания (берберской деревни). Рассказ о путешествии по пустыне также содержит описания, которые, возможно, почерпнуты автором произведения из путевых заметок европейцев: «С того момента, как мы вошли в пустыню, я не видел ни одного большого дерева. Куда бы ты ни посмотрел, как бы далеко ни простирался взгляд, ты не увидел бы ничего, кроме песка. В этом месте не было дождя... Там был ветер, но не такой, как в этой стране. Там ветер не приносит с собой ничего, кроме песка» [5, р. 59]. В арабской традиции используются несколько иные описания пустыни: отсутствует описание ветра, пустыня представляется, прежде всего, безводным местом.

Другим важным компонентом в структуре рассматриваемого произведения являются религиозно-дидактические отступления. Такие отступления появляются в завершение каких-либо ситуаций и имеют характер комментария к ним. Например, когда приемный отец героя рассказывает охотнику о своих несчастьях, тот говорит в ответ: «Воистину, как Бог решил, так оно и будет. Честный человек никогда не будет лишен надежд» [5, р. 31]. Матери героя сообщают о том, что ее ребенок похищен, в форме следующего наставления: «И теперь ты должна терпеливо перенести то, что судил Бог, и помни, что терпение — это лучшее из всего» [5, р. 51]. На что женщина отвечает: «Ты прав, любой в этом мире, если не будет терпеливым, непременно познает тысячи бед. Бог облегчит все наши горести» [5, р. 51]. Рассматриваемые религиозные сентенции, как видно из приведенных примеров, имеют различную форму. Это чаще всего назидания, иногда рассуждения. Нужно отметить, что часто в тексте появляются сходные ситуации, и некоторые назидательные формулировки неоднократно повторяются.

Иногда религиозные отступления произносятся кем-то из героев в форме *wa'azi* — наставления, проповеди. Когда приемного отца героя лишают всего и высылают из города, его жена плачет, и он обращается к ней с таким наставлением: «...Поскольку ты мусульманка, тебе следует помнить, что все, что выпадает на долю человека, исходит от Бога. Так что для нас будет лучше всего довериться Богу, который упорядочивает все по собственному усмотрению. <...> Несомненно, на твою долю выпало много горя, однако, несмотря на это, Бог облегчит все наши несчастья. Вытри слезы, ведь все это — ничто в замыслах Божьих» [5, р. 28–29].

Вся религиозно-дидактическая литература построена на противопоставлении нравственности и аморальности. Наряду с описанием правильного и неправильного поведения обычно присутствует описание последствий, которые оно за собой влечет.

Случаи наказания неблагочестивого поведения в произведении рассматриваются реже. Так, предательство влечет за собой наказание: «Мы хорошо знаем, [если] тот, кому было оказано доверие, *предает* его — Бог *накажет* его» [5, р. 24].

В «Шейхе Умаре» большинство значимых персонажей являются образцами правильного социального поведения — благочестия. Они строго следуют нормам, пред-

писываемым Кораном, и в результате воздаяние носит положительный характер. Мать героя, жившая в течение долгих лет в рабстве, в разлуке с сыном, становится свободной и соединяется с ним. Герой находит свою мать, освобождается из рабства и возвращается на родину.

Итак, «Шейх Умар» Абубакара Тафава Балева — это отдельное явление в хаусанской словесности. Это художественное литературное произведение, в рамках которого использованы идеи и некоторые особенности религиозной литературы хауса. Прежде всего, сам герой — это яркое проявление распространенного среди хауса понятия «*mutumin kirki*», хорошего человека⁶. Религиозные отступления в «Шейхе Умаре» выражают мысль о том, что все случается по воле Аллаха, поэтому даже несчастия должны восприниматься со смирением и покорностью; характерна также идея о том, что все предрешиено Аллахом, и нельзя изменить то, что ждет человека.

Тема судьбы — одна из основных в произведении (каддара — «судьба, рок» — слово, заимствованное из арабского языка), это можно назвать одной из его отличительных особенностей. Здесь судьба довлеет над героями, они не имеют права на выбор, на поступок. Судьба же — это воля Бога. Автор особо акцентирует тот факт, что герои делают лишь то, что предписано Богом, и с ними случается то, что уже предрешиено.

Литература

1. *Furniss G.* Poetry, prose and popular culture in Hausa. Edinburgh: Edinburgh University Press for the International African Institute, 1996. 338 p.

2. Пригорицкая Ю. В. «Песнь о Багауде» и жанр рифмованной хроники в литературе хауса: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 260 с.

3. *Mischlich A., Lippert J.* Beiträge zur Geschichte der Haussa-Staaten // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. 1903. Bd 6. S. 137–242.

4. *Ratray R. S.* Hausa Folk-Lore, Customs, Proverbs, etc.: collected and translated with English translation and notes. Vol. I–II. Oxford: Clarendon Press, 1913. URL: www.najaco.com/books/folklore/hausa.htm

5. *Abubakar Tafawa Balewa.* Shehu Umar / transl. by A. N. Skinner. London: Longmans, 1967. 80 p.

6. Добронравин Н. А. Исторические рассказы Северо-Западной Нигерии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 154 с.

7. Тысяча и одна ночь: в 8 т. М.: Гослитиздат, 1959.

8. *Kirk-Greene A. H. M.* Mutumin Kirki: The Concept of the Good Man in Hausa. Indiana, 1974. 41 p.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Ляхович Анастасия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент;
anastasia_07007@mail.ru

Lyakhovich Anastasia V. — PhD, Associate Professor; anastasia_07007@mail.ru

⁶ О концепции «*mutumin kirki*» см. подробнее: [8].